

ИЗ ДНЕВНИКА В. Г. КОРОЛЕНКО

Публикация А. В. Храбровицкого

С 1881 г., со времени якутской ссылки, и до конца жизни (в 1921 г.) — в течение сорока лет — Владимир Галактионович Короленко вел дневник. Дневник Короленко имеет не только биографическое, историко-литературное значение; это летопись общественной и политической жизни России за четыре десятилетия.

Во время предсмертной болезни Короленко говорил своим близким: «Издайте дневники, думаю, много будет в них любопытного»¹. В 1925—1928 гг. вышли в свет четыре тома «Дневника» Короленко, охватывающие 1881—1903 гг. (Харьков, Госиздат Украины). Дневники за последующие годы остались неизданными.

В неизданных дневниках Короленко, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, имеются две записи, посвященные Чехову. Одна из них — от 6 июля 1904 г. — публиковалась, но с большими сокращениями; нами она печатается полностью. Вторая запись — от 4 декабря 1916 г. — публикуется впервые.

СМЕРТЬ ЧЕХОВА²

⟨Джанхот.⟩ 6 июля ⟨1904 г.⟩

Вчера из Новороссийска мне прислали телеграмму: в Баденвейлере (Шварцвальд) умер от чахотки А. П. Чехов³. Я знал Чехова с 80-х годов и чувствовал к нему искреннее расположение. Думаю, что и он тоже. Он был человек прямой и искренний, а иные его обращения ко мне дышали именно личным расположением⁴. В писательской среде эти чувства всегда очень осложняются. Наименее, пожалуй, сложное чувство (если говорить не о самых близких лично и по направлению людям) было у меня к Чехову, и чувство, которое я к нему испытывал, без преувеличения можно назвать любовью. Но встречались мы мало⁵, ходили по разным дорогам; наши личные связи помещались в литературных лагерях прямо враждебных: он был лично близок с Сувориным и до конца отзывался о нем хорошо, хотя и... несколько презрительно. Он характеризовал его как психопата и истерика, часто страдающего от того, что пишут в «Новом времени», неглубокого, возмущающегося сегодня тем, что завтра его уже не волнует. Чехов рассказывал мне (кажется в 1896 и 1897 году), как Сигма-Сыромятников, тогда служивший в каком-то департаменте, выкрал из типографии «Нового времени» оригинал какой-то заметки, неприятной «департаменту», и представил ее туда в доказательство того, что автор — не он, а другой. Этот другой, зять Шубинского, редактора «Исторического вестника» (кажется Лебедев), был уволен со службы. Шубинский в присутствии Суворина (и, кажется, самого Чехова) не подал руки Сыромятникову и объяснил, в чем дело. Суворин тоже возмущился страшно, и даже в чиновничьем мире заговорили. Шубинский написал министру (кажется, Витте) о том, что в таком-то департаменте принята по службе мера, исходившая из похищения рукописи в газете. Дело шло о «Новом времени», и Витте сделал директору департамента (кажется, Кабат) выговор («Вы

меня ссорите с печатью»). Возможно, что чиновничьи сферы дали бы какое-нибудь удовлетворение, но (Чехов говорил об этом с презрительным негодованием по адресу «слабохарактерности» Суворина) — вскоре в той же газете появились, как ни в чем не бывало, фельетоны Сигмы. Очевидно, «пресса» сама смотрит на выкрадывание документов довольно легко... Канцелярии успокоились⁶.

Я думаю, что общество Сувориных и нововременцев принесло Чехову много вреда. Под конец своей жизни он сильно отошел от них, а в «Новом времени» уже не помещал ни строчки.

NB. Мои воспоминания о Чехове должны быть напечатаны в июльской книге «Русского богатства» (1904)⁷.

⟨Полтава.⟩ 4 декабря ⟨1916 г.⟩

Отвечал на письмо Б. А. Лазаревского. Бедняга рвет и мечет. Почерк, вероятно, от нервности, совсем неразборчив. Пишет о «новой газете», о том, что в нее пошел Андреев. «Разве им не ясно, что жалованья в 40 тысяч — это подкуп». «Амфитеатров за деньги готов на все, но Андреев...». «И кудлатый Брюсянин... является ко мне и заявляет, что ему там положено жалованье 3600 р., так вообще... Может, что и напишет...»⁸.

Это, действительно, характерно и похоже на подкуп литературы: отказаться потом от привычного оклада — трудно. Струя золота пущена обильно и соблазнительно. Лазаревскому кажется, что по всему этому и жить нельзя. Тем более, что вот его и других те же люди обвиняли за то, что они работали в «Лукоморье» Суворина⁹. И что он написал статью «об интереснейшем и честнейшем юноше великом князе Олеге Константиновиче»¹⁰.

Отвечая на это письмо, я припомнил маленький характерный эпизод о Чехове. Когда-то (давно!) он при мне получил письмо от Баранцевича. Речь шла о сборнике в память Гаршина. Предполагалось два сборника, но потом захотели их слить в один. Шли переговоры между двумя редакциями — на одной Герд, личный друг Гаршина, Ярошенко, редакция «Северного вестника» с Михайловским, Плещеевым, Успенским и т. д. На другой Альбов, Баранцевич и Лихачев (поэт). Переговоры ни к чему не привели. Дело довольно простое: вышел два сборника, один поменьше (Баранцевича) вышел ранее, другой — обьемистее. Но Баранцевичу показалось, как будто, что тут есть повод для трагедии, точно мир раскололся: на одной стороне свет и одна редакция, на другой — тьма и редакция другая. В этом тоне он и написал Чехову. Вспоминаю еще такое место: «Зачем там Короленко... Он не *их*, он наш» и т. д.¹¹ Протягивая мне это письмо, Чехов сказал: «Посмотрите, какой ложноклассицизм».

У него не было ни капли ложноклассицизма, и потому у него выходило хорошо все, — даже сношения с Сувориным, с которым он дружил сначала и разошелся потом. И все ясно до прозрачности: почему дружил и почему разошелся¹². Не то, что у Мережковского, например. Он с ложноклассическим пафосом скорбел по поводу сношений с Сувориным и называл это в Чехове «смердяковщиной». Оказалось, что сам он переписывался с Сувориным, да еще по поводу денежных антреприз литературного свойства, уверял Суворина, что «мы понимаем друг друга», и т. д. В этом все неискренность, все «ложноклассицизм» — и попытка сойтись с Сувориным, и осуждение этого в Чехове...

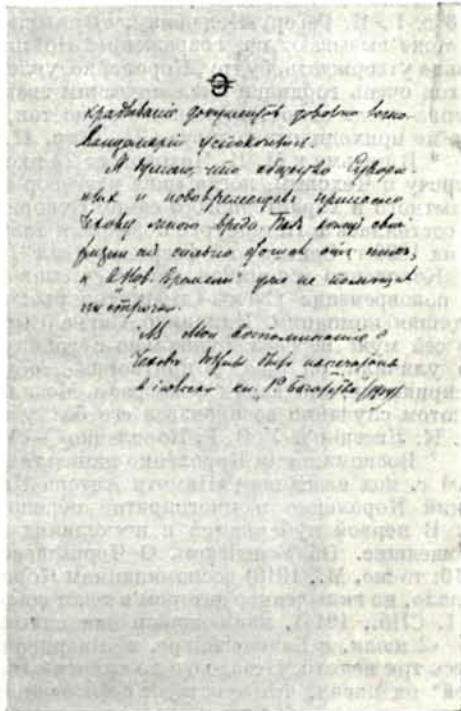
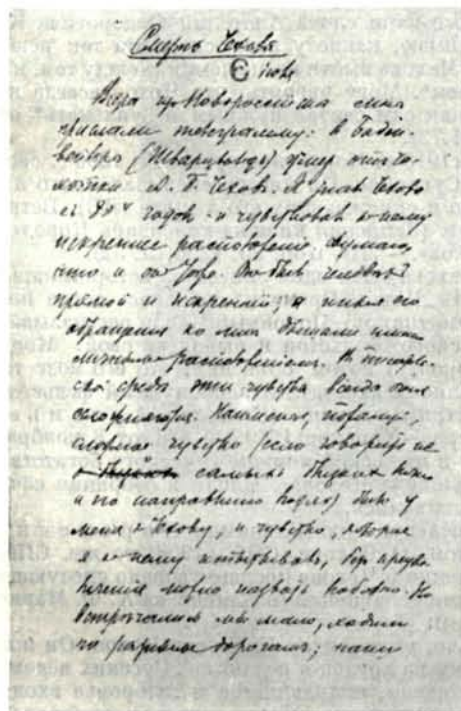
Когда-то мне нравился Мережковский, в котором я видел как раз... искренность!¹³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Владимир Короленко. Полное собр. соч., т. I. Харків, 1922, стр. 8.

² Извлечение из этой записи впервые было опубликовано в примечаниях к «Избранным письмам» В. Г. Короленко, т. II. М., 1932, стр. 182. Более полно, с добавлением нескольких фраз напечатано в кн. В. Г. Короленко. Воспоминания о писателях. М., 1934, стр. 171, а также в Собр. соч. Короленко, т. VIII. М., 1955, стр. 468—469. Вторая половина записи, начиная со слов «Чехов рассказывал мне...» — кончая словами «Канцелярии успокоились», в печати не появлялась.

³ В письме от 4 июля 1904 г. Короленко писал из местечка Джанхот близ Геленджика: «Сейчас принесли мне из Новороссийска телеграмму: Грозинский извещает

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ В. Г. КОРОЛЕНКО ОТ 6 ИЮЛЯ 1904 Г., ОЗАГЛАВЛЕННАЯ «СМЕРТЬ ЧЕХОВА»

Листы первый и четвертый

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

о смерти Чехова. Как неожиданно и как печально. Еще на днях я прочел в „Русских ведомостях“ успокоительные известия об его здоровье. Не хочется верить, но... На всех нас здесь легла точно такая тень» (В. Г. Короленко. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Пб., 1922, стр. 266).

⁴ 29 июля 1903 г., сообщая о приветствиях, полученных им в связи с пятидесятилетием, Короленко писал Н. Ф. Анненскому: «Чехов, кроме подписи на телеграмме „Русской мысли“, прислал отдельно: „Дорогой, любимый товарищ, превосходный человек. Сегодня с особенным чувством вспоминаю вас. Я обязан вам многим. Большое спасибо. Чехов“. Это одна из особенно приятных для меня телеграмм, потому что я его давно люблю... А человек от правдивый» (В. Г. Короленко. Собр. соч. в десяти томах, т. X. М., 1956, стр. 379).

Для характеристики отношения Чехова к Короленко интересно также следующее свидетельство Ф. Д. Батюшкова: «Помню один разговор с А. П. Чеховым, который очень любил Короленко, хвалил его, но не во всем одобрял. Это было за год до кончины Чехова. Мы шли, беседуя, ночью по Невскому, взад и вперед, между Литейным и Надеждинской, и как будто Чехов все хотел что-то досказать. Наконец, он высказал — это было по поводу сдержанного и недоверчивого отношения Л. Н. Толстого к Короленко, как к писателю. „Но я нашел чем победить его предрешение, — поспешил заявить Антон Павлович. — Вы помните, конечно, очерки „У казаков“... Там есть

сцена в трактире... Превосходная... Я дал ее прочесть Льву Николаевичу... Никакой выдумки, все верно, правдиво, ярко...⁴ В последние годы жизни Толстой, действительно, иначе относился к Короленко, чем раньше» (Ф. Б а т у ш к о в. Поэзия вымысла и правда жизни в произведениях Вл. Гал. Короленко.—«Современная иллюстрация», 1913, № 7, от 14 июля, стр. 100).

⁵ Последняя встреча Чехова и Короленко состоялась 24 мая 1902 г. в Ялте, куда Короленко приехал для совещания с Чеховым об «академическом инциденте». В литературе, в частности в книге Н. Шаховской «В. Г. Короленко» (М., 1912, стр. 125), утверждалось, что Короленко склонил Чехова к отказу от звания почетного академика в связи с кассацией выборов Горького. Короленко писал Н. Д. Шаховской 10 июля 1913 г.: «Чехова я к отказу от звания академика не склонял, а считал только нужным, как и других академиков, ознакомить с своим заявлением. Он вышел по собственной инициативе» (ЛБ; Кор. II. 9.17). Об этом же Короленко писал 11 марта 1918 г. Г. К. Гегеру-Нелюбину: «Приводимые вами слова Анатолия Федоровича Кони тоже вызывают на возражение. Не понимаю, какие у него основания так решительно утверждать, будто „Короленко увлек Чехова выйти из академии, между тем, как Чехов очень гордился академическим званием“. Могу уверить, что Чехов всегда поступал очень самостоятельно, именно так, как сам считал нужным, и „увлекать“ его мне не приходило в голову» (ЛБ, Кор. II. 1.72).

⁶ В письме к М. П. Чеховой от 22 июня 1913 г. Короленко относит к 1896 г. свою встречу с Чеховым, когда «шел разговор о Суворине. Он мне рассказывал много любопытного и характерного о самом Суворине и окружающих его людях» (ЛБ). Встреча состоялась в Петербурге 5 февраля 1896 г. (Записная книжка-календарь Короленко на 1896 г. Запись от 5 февраля: «Был Чехов». — ЛБ, Кор. 20, 1296, л. 52).

Короленко вспоминал, также со слов Чехова, еще один эпизод из истории карьеры нововременца Сигмы-Сыромятникова: «В „Новом Времени“ собралась тогда подходящая компания. Например, Сигма (Сыромятников). Покойный Чехов рассказывал, что сей муж перевел буквально с французского фельетон и выдал за свой. Когда его уличили, он упал в притворный обморок, а потом объяснил, что его мозг так воспринимчив, как валик фонографа. Мозг целиком запечатлел злополучный фельетон, а потом случайно воспроизвел его без участия сознания» (Вячеслав А р т е м ь е в <В. К. Лисенко>. У В. Г. Короленко.— «Утро», Харьков, 1909, № 888, от 8 ноября).

⁷ Воспоминания Короленко напечатаны в июльской книжке «Русского богатства» 1904 г. под названием «Памяти Антона Павловича Чехова», вошли в собрания сочинений Короленко и многократно перепечатывались.

В первой публикации и нескольких последующих (Владимир К о р о л е н к о. Отошедшие. Об Успенском. О Чернышевском. О Чехове. СПб., 1908; то же, СПб., 1910; то же, М., 1918) воспоминаниям Короленко о Чехове предшествовало следующее начало, не включенное автором в текст собрания сочинений (издание т-ва А. Ф. Маркс, т. I. СПб., 1914), являющийся каноническим;

«2 июля, в Ваденвейлере, в Шварцвальде, умер Антон Павлович Чехов. Он жил здесь три недели. Незадолго до смерти одному из друзей в редакции „Русских ведомостей“ он писал, что чувствует себя очень хорошо, поправляется и „здоровье входит в него пудами“. На этом основании газета напечатала заметку, которая сообщала о здоровье Чехова самые успокоительные известия. Но это было лишь обманчивое самочувствие, нередкое у чахоточных. Вскоре процесс в легких обострился, питание начало падать, вес тела быстро понижался. Во вторник (29 июня) без видимой причины появилось ослабление деятельности сердца. Приходилось прибегать к возбуждающим средствам. В час ночи на 2 июля больной проснулся от сильного удущья, а к трем часам утра умер „без агонии“, на руках у жены.

Так быстро и неожиданно закончилась эта жизнь. Чехов умер только 44 лет от роду, в расцвете таланта... Несомненно, что смерть эта отзовется в тысячах сердец щемящей грустью и, может быть, особенно потому, что и жизнь его в последние годы была тоже обвеея какою-то неутолимою печалью, к которой, силою огромного „разительного“ таланта, он сумел приобщить своих читателей... А между тем этот человек начинал свою литературную карьеру таким же зарзательным, сверкающим и ярким весельем и смехом...

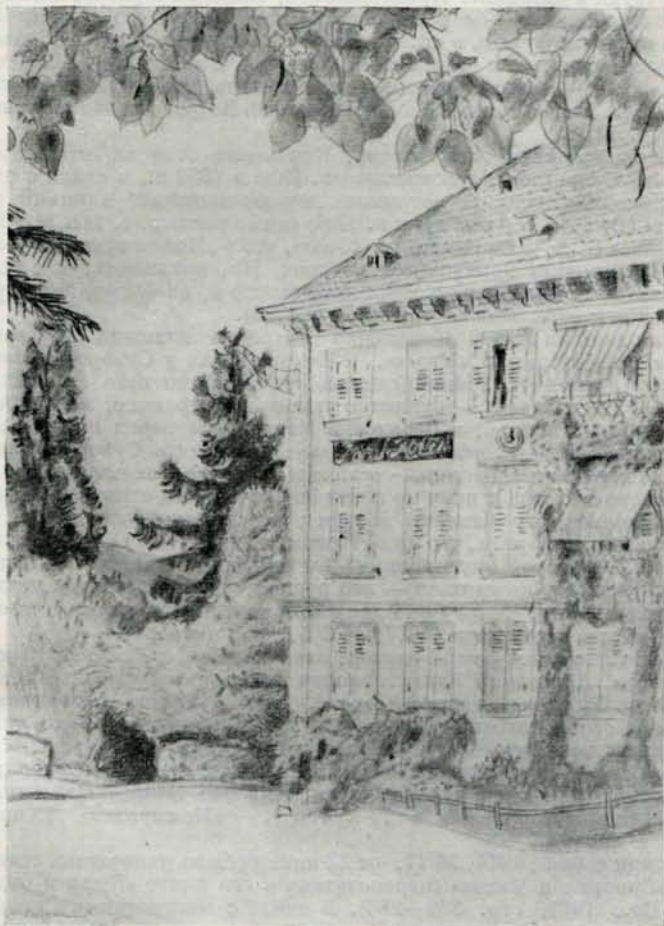
Какая парадоксальная судьба!..» («Русское богатство», 1904, № 7, стр. 212 второй пагинации).

В первой публикации воспоминания имели следующее окончание: «Читатель простит мне эти, может быть, бессвязные и беспорядочные строки, лишённые претензии разобратсья до конца в характере и размерах понесенной русскою литературою утраты. Разбираться придется еще много, и процесс этот большой и сложный. Эти строки продиктованы лишь непосредственным опущением тяжелой потери...» («Русское богатство», 1904, № 7, стр. 223 второй пагинации). В сборниках «Отошедшие» последняя фраза была следующей: «Эти строки продиктованы только личными воспоминаниями о встречах, которым уже не суждено повториться».

На смерть Чехова Короленко откликнулся также следующей телеграммой, посланной из Геленджика в адрес редакции «Русской мысли»: «Глубоко потрясенный

известием о смерти достойного Антона Павловича, прошу передать родным выражение искреннего сочувствия их горю» («Русское слово», 1904, № 194, от 14 июля).

⁸ Письмо Б. А. Лазаревского от 7 ноября 1916 г., в котором он пишет о «газете Гаккебуша» (имеется в виду газета «Русская воля»), хранится в фонде Короленко в ЛБ. На письме — пометка Короленко: «Отв. 4/ХІІ—1916». О газете «Русская воля» — см. публикацию Ю. Г. Оксмана «„Русская воля“, банки и буржуазная литература» — «Лит. наследство», т. 2, 1932, стр. 165—186.

ЗДАНИЕ ГОСТИНИЦЫ В БАДЕНВЕЙЛЕРЕ, В КОТОРОЙ
УМЕР ЧЕХОВ

Рисунок М. В. Добужинского, 1929 г. Сделан в связи с двадцатипятилетием со дня смерти Чехова

Музей Художественного театра, Москва

Из-за неразборчивости почерка Лазаревского, Короленко неверно прочитал одно место его письма. Вместо «является ко мне» следует читать «является Маныч». О литераторе Маныче, «злом гении Куприна», Лазаревский пишет и в следующем письме к Короленко от 12 декабря 1916 г.

⁹ «Лукоморье» — еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал, выходивший в Петрограде в 1914—1917 гг. Редактором-издателем был М. А. Суворин.

¹⁰ Статья Бориса Лазаревского «Светлой памяти князя Олега Константиновича» была напечатана в иллюстрированном приложении к «Новому времени», № 14212, от 3 октября 1915 г.

¹¹ Письмо К. С. Баранцевича к Чехову от начала апреля 1888 г., о котором вспоминает Короленко, сохранилось в архиве Чехова и частично опубликовано (XIV, 489); ответ Чехова на это письмо см. там же, 81—82). О разногласиях между составителями обоих сборников в память Гаршина — см. выше в письмах Плещеева к Чехову и в комментариях к ним.

Отголоски этих разногласий слышатся и в предисловии «От издателей», которым Альбов, Баранцевич и Лихачев открыли изданный ими сборник. В предисловии говорится: «Мы считаем нашу цель не вполне достигнуто: далеко не все силы русской литературы участвуют в сборнике. Произошло это, главным образом, потому, что явилось издание другого сборника — с решительным намерением его издателей довести это дело до конца отдельно от нас, в строго замкнутом кружке. Таким образом, случилось то, чего мы всеми средствами старались избежать, что является неизлечимой язвой в литературной семье, — явилась рознь, и мы остались одни, при своих слабых силах» («Красный цветок»). Литературный сборник в память Всеволода Михайловича Гаршина. СПб., 1889, стр. III).

¹² Подчеркивая искренность Чехова, Короленко отмечал неоднократно вредное влияние на него Суворина и нововременцев. Еще в 1889 г., в связи с пьесой Чехова «Иванов», Короленко писал об «отрыжке „нововременских“ влияний на молодой и свежий талант» (В. Г. К о р о л е н к о. Избранные письма, т. III. М., 1936, стр. 51). В 1915 г. он писал Б. А. Лазаревскому: «Знаю, что в „Новом времени“ работал Чехов, а Чехов был несомненно порядочный человек. Но, признаюсь, мне было не совсем приятно встречать его имя на страницах этой газеты и, наоборот, я был рад, когда его имя перестало в ней появляться» (там же, стр. 235).

В 1917 г. в одной из статей Короленко подробно изложил свой взгляд на отношения Чехова с Сувориным: «Что ж, и Чехов бывал у Суворина, и ему случалось писать в „Новом времени“... Можно считать, что само по себе это было неприятное недоразумение... Но человек — существо такое многогранное, многоцветное и сложное... Теперь, когда и жизнь, и переписка Чехова вся перед нами, — мы видим, что этот обыкновенно цельный человек, и дружески входя к Суворину вначале и, под конец, уходя от него в негодование, — оставался тем же Чеховым, которого мы любим и ценим. От нововременства к нему не пристало ничего: он отряхнулся, как лебедь, и попытки использовать эту близость во вред его памяти были жалки и бессильны.

Но надо сказать при этом, что ни в „Новом времени“, ни вне его Чехов не написал ни одной строки, в которой ему пришлось бы каяться, от которой пришлось бы отречься... Не отречься, не каяться — это редкая судьба, выпадающая на долю писателя. Она дается не всем. Чехову она далась, может быть, потому, что он был только художник» («Русские ведомости», 1917, № 265, от 3 декабря).

Характерен также следующий эпизод, относящийся к июню 1919 г., о котором писал В. Катаев: «...Владимир Галактионович с особенным удовольствием и жаром говорил о прошлом. Разговор зашел о Чехове. Тут Короленко разволновался совсем. Он встал из-за стола, ходил по комнате и все говорил о том, что никак не может понять и оправдать того, что Чехов работал у Суворина.

— Удивляюсь, как мог такой человек, как Чехов, писать у Суворина? Такой деликатный, мягкий, передовой человек? Для меня это тайна» (Валентин Катаев. Один из последних (Короленко в 19-м году). — «Коммунист» (Харьков), 1922, № 298/593, от 1 января).

¹³ В «Русском слове», 1914, № 17, от 22 января была напечатана статья Д. С. Мережковского «Суворин и Чехов» (перепечатана в его книге «Было и будет. Дневник. 1910—1914». Пг., 1915, стр. 239—253). В связи с обличениями Суворина, находящимися в этой статье, «Новое время» опубликовало письма Мережковского к Суворину, содержащие различные просьбы, в том числе денежные («Новое время», 1914, № 13606, от 27 января; № 13607, от 28 января; № 13608, от 29 января). В письме от 11 ноября 1903 г. Мережковский писал Суворину: «Мне чувствуется, что между нами есть взаимное понимание» (Из писем г-на Д. Мережковского к А. С. Суворину. «Новое время», 1914, № 13607, от 28 января).